

НАДЕЖДА ВОЛКОВА

ПО ТУ СТОРОНУ ФОРТУНЫ

КНИГА 1. ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

16+

Надежда Волкова
По ту сторону фортуны.
Книга 1. Галопом по Европам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45712410

SelfPub; 2021

Аннотация

Готова ли ты к путешествиям и авантюрам? Если твой ответ «Да», то все, что тебе нужно, это небольшой автомобильчик и лучшая подруга рядом на пассажирском сиденье. Ирония, легкое отношение к жизни и жажда познать новые места – вот основной багаж, который необходимо упаковать и взять с собой в дорогу. Будь спокойна, пускаясь галопом по Европам, приключения сами найдут тебя и выстроятся в длинную очередь. И поверь, избитая фраза «после сорока жизнь только начинается», совсем не банальная, это я знаю точно!

Надежда Волкова

По ту сторону фортуны. Книга 1.

Галопом по Европам

– Натулечка, открой глазки! Наташка!

Знакомый голос звучал совсем близко и одновременно так далеко. Я с трудом открыла глаза и поводила взглядом, пытаюсь сосредоточиться. Заплаканное Светкино было лицо как в тумане. О чём-то это напоминало, не знаю когда и где, но что-то похожее уже случилось. В голове шумело, боль пульсировала так, что казалось, кто-то ритмично колотит молотком по самой макушке. Короткая мысль пролетела в ускользающем сознании, не оставив следа, и я снова отключилась.

Едкий запах нашатыря ударил в нос, вытаскивая из небытия. Медленно кружась, большие разноцветные пятна постепенно обретали отчётливую форму. Тёмная деревянная клетка наверху, незнакомая женщина в голубой форме, она склонилась надо мной и повторяла «Синьора! Синьора!»! Белокурая Светкина голова совсем рядом, возле моего плеча. Почувствовала манжетку тонометра на левой руке.

Я приходила в себя. Зарёванная подруга говорила без

остановки, но мой разум не воспринимал, неосознанно отторгая любую мыслительную деятельность. Только ужасно хотелось спать, провалиться в благословенный сон и спать, спать, спать... Попыталась подняться, но безвольное тело не подчинялось командам мозга, я опять завалилась. Прележала ещё немного, стараясь отогнать боль.

Мужчина в форме карабинера помог мне встать. Он покачивал головой и сочувственно что-то бормотал по-итальянски. Вместе с врачом, поддерживая с двух сторон, они провели меня через двор и погрузили, как куль, в машину неотложки. Светик запрыгнула рядом, вцепилась в мою руку и всю дорогу не выпускала её, тихонько поглаживая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Соседи по купе. Они раздражали и не умолкали ни на секунду: «Бери чай с мармеладом! Ты уже много съел! Шевелись, надо капать второй глаз. Туалет закрыт! Туалет открыт!.. Сонька долго спит, пойду, разбужу! Нет, пусть ещё поспит, чтобы не орала!» И так бесконечно, каждую секунду, начиная от самой Москвы. Мама, папа, сын и дочь. Я сдерживалась, чтобы не оборвать семейство резким словом. Понимала, что начнётся обыкновенная склока и я проиграю бой. Не вынося никаких разборок, просто замолкну и продолжу читать и терпеть. А они будут ещё больше болтать без остановки, исключительно мне назло.

Летний сезон, билетов не было. Домой ехать надо и, по счастливой случайности, я подловила плацкартное местечко

в поезде Москва – Калининград. Дёшево, но очень сердито! Обязательно кто-то захрапит на весь вагон, чьи-то не в меру шаловливые дети будут носиться как угорелые, цепляя пассажиров своими игрушками.

Чтобы отвлечься от раздражающих разговоров прибегла к давно проверенному трюку: уставилась в окно и мысленно рисовала картину мечты. Тоскана... Её чарующие старинные замки и утонувшие в цветах улочки городов, бесконечные холмы, покрытые оливковыми рощами и стройными рядами виноградников. Они впитали в себя солнечные лучи и бескрайнее синее небо словно парит над землёй. Нет, я ни разу там не была, но очень хотела, особенно после фильма «Под солнцем Тосканы». Такое романтическое кино изначально предполагает «хэппи энд», но, к сожалению, мне лично в ближайшие пару сотен лет на наследство в Италии рассчитывать не приходилось. Ожидать, что вот-вот появится состоятельный мачо-винодел, владелец родового поместья, к тому же рыцарь с благими намерениями, не позволяли ни возраст ни жизненный опыт. Однако, открытые и темпераментные итальянцы оказались настолько близки моей душе, что я раз и навсегда решила – в прошлой жизни жила именно там.

Проснувшись Сонька, каскад слов увеличился в несколько раз. Тоскана исчезла из моих мыслей. Реальность плацкартного вагона жирным чёрным крестом перечеркнула солнечные итальянские пейзажи.

Я выгрузилась из поезда, вытянула ручку чемодана и бодро зашагала в сторону тоннеля. Задорный рингтон «Розовые розы» зазвучал через пять минут после прибытия поезда в Калининград.

– Привет, приехала? Сейчас подъеду, заберу.

– Приехала, привет!

Я приготовилась ждать Свету и распечатала мороженое, купленное в киоске неподалёку. Стоя на привокзальной площади, озиралась по сторонам. Дрожащее полуденное марево накрыло всё вокруг, делая размытыми очертания зданий и людей. Народу немного, это не московские вокзалы с их нескончаемой толкотнёй, только несколько машин встречающих у центрального входа, да на парковке группа таксистов маячется в ожидании случайных клиентов. Водители курят одну сигарету за другой, о чём-то лениво переговариваются, но с места не двигаются. Я поморщилась, дома также буду изнывать, не зная, куда себя пристроить. Впереди замаячили тягостные унылые будни. Бодрость таяла на июльском солнце как пломбир в стаканчике.

Света лихо подрулила на своём серебристом фольксике, мы поцеловались, погрузили чемодан и тронулись.

– У меня отпуск с понедельника. Надо отвезти посылку тёте Нине, мама просит. Поехали на машине? – без всяких расспросов сказала она.

Я остолбенела и зажмурилась от невероятности происходящего. Тоскана полыхнула ярким солнечным светом, оза-

ря зелёные холмы под высоким синим небом.

Восемь лет назад.

Купейный вагон поезда Санкт-Петербург – Калининград. Жарким летним днём мы с Сашкой возвращались из очередной поездки в Питер.

– Здравствуйте, я – Слава! Вам помочь?

Вежливый мальчишеский голос раздался, как только я открыла дверь купе. Тёмно-русская голова его обладателя свесилась с верхней полки.

– Привет, просто Наташа, без всяких тётъ. Спасибо, Славик, сами справимся.

– Очень приятно! Я мать этого дамского угодника, Светлана, – звонким сопрано представилась молодая женщина. Она улыбнулась, повернула голову к моей дочери и спросила: – А тебя как звать, чудо-чудное глазастое?

– Саша, – дочурка обозначилась и выдала прелестную улыбку.

– А вы до Калининграда едете? – не унимался мальчишка.

– Да.

Я доставала наши с Санькой переодешашки и думала: как всегда, мне везёт. Пацан не даст покоя до конца пути.

– Готовьтесь, девочки, сын мой будет развлекать вас всю дорогу. Если совсем надоест, не стесняйтесь, скажите сразу, угомоню в два счета.

Я удивилась, насколько точно мадам угадала мои мысли. Хотя, скорее всего, она очень хорошо знает своего ребёнка.

– Вы обедали? Мы ещё нет, предлагаю объединиться, – soprano прозвучало глуше, утонув внутри огромной сумки.

Светлана нырнула туда с головой и принялась выставлять на стол пищевые контейнеры с ярко-зелёными крышками – шесть штук разного размера, все из одной серии, как матрёшки. Эстетка.

– С удовольствием, у нас в отеле только завтрак был, – я поддержала идею и затрясла своими пакетами.

Дети наелись и забрались наверх, о чём-то весело болтая. Мы разговорились с попутчицей. Такой вид общения в поездах мне всегда нравился. Беседы ни к чему не обязывают, но дают прекрасную возможность скоротать время в долгой дороге. Вышли из поезда и забыли друг о друге, никто никому ничего не должен.

Вскоре мы перешли на «ты» и очень быстро поняли как много у нас общего: обе разведённые, с подросшими детьми, лёгким отношением к жизни, склонностью к путешествиям и приключениям. Мы одногодки по возрасту, на то время нам перевалило за тридцать три. Высокие, примерно одного роста – под метр семьдесят. Сашке и Славику исполнилось по тринадцать.

– У меня дома ещё один детёныш, помладше, Виталик. Тот совсем другой, отцы у них разные. Но ни одного путного папаши у нас нет, оба воскресные, – сказала Светлана, уби-

рая со стола. В каждом движении рук, мимике, в тонкой, почти прозрачной коже чувствовалась порода.

– Мы тоже не страдаем от мужской заботы и живем припеваючи.

– О, как!.. Почему так категорично? Крест поставила на личной жизни?

– Ну, не то, чтобы крест..., хотя... и крестик и нолик.

– Так нельзя, – новая знакомая проговорила это, подкрашивая губы. – Я вот, например, дважды замуж сходила и это не предел. Что народная мудрость гласит? Бог троицу любит. Значит, у меня, как минимум, ещё одна попытка.

– Та, которая не пытка?

– Ну, да, – сказала она, улыбнувшись. – Лично я верю в большую и светлую любовь, вот только никак её не поймаю. И твоя половинка где-то бродит, просто-напросто нужно поискать хорошо.

Я отметила у Светы наличие здоровой самокритики, чувства юмора, а также непреодолимое желание наставлять на путь истинный хоть кого-нибудь.

– Нет, спасибо, мне в доме балласт ни к чему. Пусть эта половина гуляет где-нибудь и дальше до самой старости.

Я устроилась у окна и занялась своим самым проблемным местом – огромной шапкой длинных каштановых кудрей. Дети вышли в коридор и прилипли к стеклу. Мы подъехали к Великому Новгороду. По расписанию стоянка большая, тридцать пять минут. Пассажиры прогуливались

по перрону, кто-то курил. Затем люди начали заходить в вагон и через короткое время поезд тронулся. Привокзальные торговые павильончики медленно потянулись в сторону. Взгляд застрял на одном из них: такая знакомая светлая голова, джинсовые шортики, оранжевая майка.... Сердце оборвалось!.. Сашка!

Светлана удивлённо посмотрела на меня, затем глянула в окно и побледнела.

Двое наших деток, прижимая к себе мороженое, побежали за поездом, при этом Славик тащил за руку моего нескладного гусенка. Боже!.. Состав медленно прополз вперёд и дети пропали из вида. Мы со Светой подскочили одновременно! Без единого слова вместе застряли в дверях, немного там потолкались, попыхтели, потом сообразили, что лучше выбегать по одному.

Я с криком влетела в служебное купе:

– Останавливайте поезд!

Проводница взглянула на меня и спокойно спросила:

– Зачем?

– Дети! Там наши дети! – воскликнула Светлана возле моего уха.

Она всем телом навалилась на меня и втолкнула в купе. Я повернулась, в эту минуту лицо попутчицы, покрытое красными пятнами, выглядело рябым.

– Не могу! – отрезала проводница, хватаясь за рацию. – Начальнику доложу!

Она шустро нажимала кнопки и уже послышался ответный голос. Тем временем, состав набирал скорость. Я сообщала быстро, оттолкнула Свету и выбежала в тамбур, вторая горе-мама за мной, проводница за ней.

Вдвоём со Светланой мы хотели рвануть стоп-кран, но сотрудница РЖД действовала чётко в соответствии с инструкцией. Она грудью встала, защищая красный рычаг, и рявкнула:

– Вы сумасшедшие? Что сейчас будет, представляете?

И тут поезд, не успев разогнаться, снова затормозил, видимо, начальник принял решение мгновенно. Света коршуном налетела на проводницу:

– Открывай, быстро!

– Бегом! – выпалила та, гремя железками, и распахнула дверь.

Я скатилась по ступенькам. Благо, все действия были проведены оперативно и наш последний вагон остановился у самого конца платформы. Я побежала навстречу деткам, успела навешать подзатыльников обоим и погнала заблудших овец в стойбище. Друг за дружкой втолкнула их в тамбур и запрыгнула сама. Меж тем в вагоне разгорался скандал. Пассажиры, выскочившие на наши крики, разделились на два лагеря: одна часть возмущалась, что таких мамаш нужно лишать родительских прав, другая поддерживала нас, ругаясь, что стоянку сократили на десять минут, из-за этого ребята опоздали.

– Мы на вас в суд подадим! – разъярённая Светлана наседа на начальника поезда, размахивая руками. Тот попытался что-то возразить, но мою распалившуюся попутчицу остановить было невозможно. – Возмутительно!.. Вы... вы за это ответите! Что творится на наших родных железных дорогах! Везде об этом напишу, во всех центральных изданиях! Форменное безобразие!

Я протиснулась с малолетними сорванцами через толпу, запихнула в купе, захлопнула дверь и села отдышаться. Сердце ухало как артиллерийское орудие, непредвиденная стометровка вместе с испугом сделали своё дело. Света продолжала сыпать угрозами и шуметь на весь вагон, я же свирепо оглядывала детей и готовилась их убить.

Сашка смотрела на меня растерянными огромными глазами, набухшими от близких слёз, и часто-часто хлопала ресницами. Славка закусил губу и громко сопел в ожидании, когда мать явится оторвать ему голову. Они выглядели такими смешными и виноватыми, я невольно улыбнулась и подумала «повинную голову меч не сечёт», но всё равно нахмурилась – подростки должны прочувствовать серьёзность ситуации. Хотя, никакого смысла ругать их не было, они и сами переживали не меньше.

Ребятки быстро смекнули, что самое страшное позади, немного расслабились и стали совать мне мороженое.

– Мам, всем по две штуки взяли, надо быстро съесть, пока не растаяло, – Санька забасила первая и облизнула эскимо

на палочке.

– Мы хотели сюрприз сделать, а поезд уехал, – Славик добавил в оправдание свои весомые пять копеек, разворачивая шелестящую упаковку.

– Спасибо, вам это удалось.

Я облегченно засмеялась и взяла мороженое. Слава Богу, дети здесь, живые и невредимые, остальное не важно. Дверь купе открылась и раскрасневшаяся фурия, уперев руки в бока, грозно встала в проёме. Она прищурила большие серые глаза и смотрела на сына испепеляющим взглядом.

– Тётя Света, ешьте скорее мороженко, а то потечёт, – быстро проговорила Сашка, перехватывая удар на себя и помогая другу по несчастью избежать экзекуции.

Я подмигнула попутчице и демонстративно облизнула сливочное лакомство. Светик немного подумала, высокий лоб расправился, она устало улыбнулась и присоединилась к нашей компании. Весь оставшийся путь мы глаз с детей не спускали, под конвоем водили их в туалет и болтали со Светланой бесконечно.

Когда поезд прибыл в Калининград, нас поджидал представитель российских железных дорог. В качестве возмещения за причинённый моральный ущерб он предложил нам по три бесплатных поездки на двух человек по маршруту Калининград– Санкт Петербург. Мы снисходительно согласились.

– Слушай, может, детей в аэропорту ещё потеряем? – по-

сле некоторого раздумья предложила я. – На самой посадке. Потом обвиним «Аэрофлот», будем и летать бесплатно.

– А что, неплохая идея. Давай подумаем как это лучше проверить, – она усмехнулась.

Наши геройские подростки тут же начали сыпать абсурдными предложениями. Таким образом, первым приключением с детьми началась дружба, связавшая нас прочным канатом.

Блондинка с гладкими длинными волосами, Светик настоящая Женщина от кончиков ухоженных ногтей до макушки. Она «на раз» заводила бесконечные романы, влюблялась, легко расставалась, пользовалась неизменным успехом у мужчин всех возрастов и социальных статусов. Имея двух сыновей от разных браков, умудрилась сохранить нормальные отношения с бывшими мужьями, за что всегда имела солидную материальную поддержку. От природы сухошавая, Света не тиранила себя никакими диетами, любила поесть, иногда выпить в компании. Её консерваторское образование не нашло себе применения и она трудилась редактором местного глянцевого журнала. На первый взгляд поверхностная и не очень обязательная, подруга обладала здравым взглядом на вещи и душевной теплотой. Если бы не лёгкий сарказм, то её спокойно можно было бы отнести к категории «милых людей».

Меня природа также не обделила хорошими генами. Перешагнув сорокалетний рубеж, я не расплылась, как «баба на

чайнике». Любила спорт, но с возрастом всё больше пассивный, ограничиваясь пешими прогулками быстрым шагом. Склонность к авантюрам и энергичный характер достались мне по знаку Стрельца. Оставив тёплое местечко финансиста, с головой окунулась в предпринимательство, но за пять лет наелась до тошноты. Удачно пристроив осточертевший бизнес, я могла себе позволить не работать, на широкую ногу не жила, но на жизнь и путешествия хватало. Мужским вниманием не была обделена, вот только относилась к нему скептически и в сказки давно не верила. Пережив банальную супружескую измену экс-благочестивого, сбежала из Москвы в Калининград с восьмилетним ребёнком на руках. Своим главным достижением в жизни я считала дочь Сашку.

Сдружились мы со Светой крепко, как говорится, семьями. За восемь лет переплелись так, что не представляли себя друг без друга. Наши совместные поездки куда бы то ни было сопровождались самыми разнообразными приключениями. Они подкарауливали повсюду, вернее, мы оказывались в нужном месте в самый нужный момент. Вероятно, кто-то другой прошел бы и мимо, но две неугомонные натуры просто обязаны примерить каждый эпизод на себя. Происшествия нанизывались одно на другое, как цветной бисер на нитку, сплетаясь в затейливое ожерелье нашей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спонтанные приступы ясновидения случались у Светы не редко.

– Ты баба Ванга? Опять мысли мои читаешь? – спросила я и она расплылась в улыбке. Светик знала про мои мечты о Тоскане, лавандовых полях и была очень довольна произведённым впечатлением.

– Уже всё продумано, не беспокойся. Выезжаем во вторник часов в восемь. Сначала до Гдыни к Лешеку, затем в Берлин. Дальше, через Мюнхен, в Италию, остановимся на пару дней в твоей Тоскане, оттуда прямиком на Рим, к тётё Нине. Расстояние огромное, больше двух тысяч километров, так далеко ещё ни разу не ездили, – Света строчила пулеметной очередью без пауз и знаков препинания.

Я засмеялась. Она на сто процентов знала, что поеду без вопросов и возражений. Частенько вырываясь из Калининграда на широкие европейские просторы, мы любили путешествовать на автомобиле. Кроме того, Светик хотела поймать всех зайцев сразу: повидать старых знакомых, приятно провести время и сэкономить на ночлегах.

Её близкие разбросаны по всему миру. Как человек коммуникабельный, она находила общий язык с кем угодно, когда угодно и где угодно. Многочисленные друзья – неотъемлемая часть Светкиного существования, они приобретались на протяжении жизни, начиная с ясельной группы детского сада. Подруга поддерживала с ними связь всеми возможными способами и поздравляла со значимыми датами. Её голова как записная книжка, где отмечено кто когда родился, женился и другая важная информация. Куда бы ни занесла

судьба, она всегда имела местечко, чтобы вытянуть уставшие ноги. Моя же персона шла прицепом. Меня принимали как родную вместе со Светой, а я старалась не быть назойливой и не мельтешить. Космополитка по убеждению, считаю, что мир большой и открытый, создан для всех людей независимо от расы, гражданства и вероисповедания. Так, в кругу Светкиных друзей чувствовала себя хорошо, таскала им баулы с гречкой, воблой и чёрным бородинским хлебом.

Следующие пять дней пронеслись балтийским штормом: потискать котов, навести порядок дома, заплатить по счетам, заготовить еду детям и животным. А также раздать поручения, собрать вещи для путешествия, снова потискать котов, потому как они жутко скучают в моё отсутствие. И самое главное – предвкушение приключений с утра до позднего вечера, пока, уставшая от беготни, я не засыпала замертво.

В этой суете нашлось время забежать к Свете в офис. Войдя в её кабинет, подняла руку в знак приветствия и села в кресло. Удивительно, на работе и вне её – Светик совершенно два разных человека. Как многорукая Шива, сейчас она одновременно выполняла с десяток действий: плечом прижимала телефонную трубку и кого-то отчитывала, одной рукой ставила пометки на бумаге, другой вытаскивала распечатанные листы из принтера. При этом Светик ещё исхитрялась что-то бегло прочесть на мониторе.

– Тьфу, пропасть!.. Не могу больше! – сказала она со стоном, отключая телефон и швыряя ручку на стол. – В отпуск

собралась называется! Не завал, так аврал!

– Может, помочь?

– Чем ты поможешь? Все специфично, зато как обычно: журналисты тормозят, заказчики истерят, дизайнеры так на-креативили, аж пломбы вылетают. В общем, в ядовитом котле разногласий что-то варится.

Я улыбнулась. Светик легко смешивала просторечные и мудрёные слова, облекая их в забавные иносказательные формы.

– Ну, да, так и есть. Ругаемся, но очередной глянец выродим. А ты чего пришла? Случилось что-нибудь?

– Нет, всё в порядке, слава Богу. Пыталась тебе дозвониться, но бесполезно.

– О!.. Нашла когда! Номер сливаем, видать, ночевать здесь придётся.

– Догадалась, поесть тебе прихватила.

– Ты святая! – воскликнула Света и крутанулась в кресле. – Не обедала, умираю от голода. Сегодня закончить обязательно нужно, иначе номер завалю.

Я решительно сдвинула бумаги на столе, выложила контейнеры с отбивной и салатом, подруга поспешно накинулась на еду.

– Светлана Александровна, главный вызывает, – прокричал в дверную щель молодой женский голос и каблучки быстро зацокали по коридору. Обладательница шпилек снова кому-то что-то выкрикнула и понеслась дальше. Редакция

жила привычной жизнью.

– Поесть человеку спокойно не дадут! – пробурчала Света с недовольной миной, вытирая руки бумажными салфетками. – Вот, ты понимаешь, влетит сейчас на полную катушку. Как верстается номер, так обязательно сумасшествие!

Она умчалась в таком же темпе, как и носительница тонких каблучков. Я вертелась в офисном кресле и разглядывала кабинет. В отношении работы Светик большой педант, всё аккуратно разложено по полочкам, серые толстые сегрегаторы стоят ровными рядами, на каждом наклейка с надписью. Когда нужно было что-то найти, Света оказывалась незаметна. Её память хранила информацию гигабайтовыми объёмами, она знала где находится и как называется тот или иной материал.

Подруга вернулась довольная.

– Представляешь, главный не рычал, а наоборот, выписал премию к отпуску. Правда, смехотворную на булавки.

– Так ты же обычные булавки не покупаешь, представляю размер этой суммы, – сказала я, листая предыдущий номер журнала.

– Не так уж и много. А ты чего пришла? Работы вагон, пойдём, провожу, а заодно покурю.

– Да рядом была, деньги принесла.

Я отложила журнал и взялась за сумочку.

– Мне?.. Какие деньги?

– Что значит – какие? Злотые, евро.... В обменник захо-

дила. Ты забыла или голову морочишь?

– Забыла! Мозг кипит. А сюда зачем принесла? Я здесь зарабатываю, а не трачу, во вторник бы и отдала.

– Ну и что? Твои же деньги.

– Угомонись ты со своей гиперответственностью, – сказала Света, дожевав отбивную. Моё повышенное добросовестное отношение к любым мало-мальски значимым делам для неё было предметом насмешек.

– Не угомонюсь, получается, зря пришла?

– Нет, ты моя кормилица. Только теперь спать хочу, ещё хуже стало.

– Тебе не угодишь, – проворчала я и не осталась в долгу: – Выпей эфедрину, а то уснёшь, не дай-то Бог. Зайдет твой главный, а ты рот открыла и храпишь на рабочем месте.

Она засмеялась и мы попрощались.

Находиться в постоянной шутиливой конфронтации по любому поводу совершенно обычное дело для нас. Повод неважен, но если не поспорим, то день прожит впустую. Странно, но в этом и есть наша схожесть. Тем не менее, каждая из нас имела собственную «карту мира». При этом Светик, как человек более тактичный и мягкий, старалась преподнести своё мнение исподволь, иногда с хитринкой. Я же правдолюбница с детства – хлебом не корми, дай побороться за истину. С пеной на устах буду отстаивать собственный взгляд, причём, единственно правильный, так мне всегда казалось.

Долгожданный вторник наступил. Рано утром, на выходе из дома, я приласкала котом.

– Не хулиганьте, хорошо себя ведите, Саньку слушайтесь.

Животные промурчали что-то в ответ. Феликс попросился на руки, но я ему отказала. Обиженный кот фыркнул, ушёл в комнату и осуждающе оттуда выглядывал. Пушистый Честер посмотрел на своего собрата, проявил кошачью солидарность, засеменил толстенькими лапками и уселся рядом с ним. Две пары круглых глаз выражали укор и порицание, всем своим видом мохнатые питомцы говорили: «Ну вот, опять куда-то понеслась»!

Наши семьи в полном составе крутились возле Светкиного подъезда. К этому времени серебристый «Фольксваген поло» был набит до отказа.

– А продукты где? – растерянно спросила тётя Зина, заглядывая в багажник, чем переполошила всех.

Толпа дружно кинулась выгружать вещи в поисках провианта. Как и следовало ожидать, сухой паёк отсутствовал. Возникла небольшая перепалка. Потревоженный муравейник выяснял кто нёс ответственность за сытые желудки матерей и куда эта торба запропастилась. В конце концов, сумка-холодильник отыскалась дома. Чтобы она опять не потерялась, я сунула её на заднее сиденье. Начался обратный процесс по укладыванию вещей.

Машинка у нас чудесная: вместительная, резвая, эко-

номичная. Она служила не просто автомобилем, а хорошим другом в длительных путешествиях и не раз выручала в разных ситуациях. Мы ласково называли её фольксиком или лошадкой Мэри. Сейчас она была до блеска начищена Славкой и Виталиком, Светкиными сыновьями, и нетерпеливо ждала своего звёздного часа.

Родня галдела и суетилась, при этом не забывая дать ценные последние указания.

– Не гони, как сумасшедшая, никуда не лезь, – воспитательным тоном наставляла Сашка, сдавив мне шею и трясая указательным пальчиком перед лицом. – Просто отдыхай и наслаждайся жизнью.

Мой неуёмный характер и непреодолимая тяга искать приключения там, где их не может быть в принципе, стали предметом беспокойства повзрослевшей дочери. Зять Игорёк многозначительно кивал в такт Санькиным словам, он всегда с ней соглашался.

– Доченька, не лихач, много не кури, утром и вечером обязательно звони. Да, поцелуй от меня Нину! Девочки, будьте осторожны! – тетя Зина взволнованным голосом вносила лепту в огромный перечень наших обязательств.

Мы поклялись, что не будем ввязываться в разные истории, лезть, курить, убегать и догонять. Светкины парни клюнули мать куда-то в области уха, мои детки с двух сторон приложились ко мне. Наконец, наша лошадка Мэри отбыла, задорно поблёскивая отполированными боками.

Свобода!.. Что может быть слаще этого слова? Выражение избитое, заезженное, но оно в полной мере отражает состояние сладостного опьянения. Слипшиися от повседневности крылья расправляются и ты паришь как Икар. И пусть это только иллюзия, пусть на короткое время, но здесь и сейчас – свобода и скорость, которую мы обе так любили! Я закрыла глаза и начала воспроизводить мои девичьи грёзы: открытый кабриолет, на мне большие солнцезащитные очки, на голове алый шарф, концы которого развеваются на ветру. Видела этот эпизод в каком-то фильме ещё в юности, с тех пор видение преследовало.

Пограничный переход был почти пуст, всё-таки, начало недели. На выезд работали две полосы. Мы сообща порадовались – отпала необходимость стоять в очереди на такой жаре, минут за тридцать управимся. Друг за другом прошли дежурные процедуры: паспорт в окошко, распахнуть салон, открыть багажник, затем всё закрыть, «Спасибо, до свидания»! Проехали нейтральную зону и остановились перед шлагбаумом на польском КПП.

Первой пройдя паспортный контроль, Светик отправилась показывать содержимое машины представителю пограничной службы. Я подошла к окошку и поздоровалась:

– День добры!

– День добры! – ответила девушка полька. Она внимательно посмотрела на меня, на паспорт и пододвинула сканер. – Палец, пани.

Пани, то есть я, положила указательный палец на аппарат, ответной реакции не последовало.

– Ешче раз, пани.

Я послушно повторила манипуляцию, но хитрое устройство продолжало хранить молчание.

– Ешче раз больше, – повторила пани пограничник, заметно начиная нервничать.

Мой палец снова прилепился к серому квадратику, но проклятый прибор не издал ни единого звука. То ли папиллярные линии не хотели считываться, то ли в польской компьютерной системе произошел какой-то сбой, но сканер упорно не работал. Девушка раздражалась всё больше, я потела и тыкала пальцем, но ничего не происходило. Промаявшись минут десять, она куда-то позвонила и, не скрывая недовольства, бросила:

– Ожидайте!

Я привалилась к белой пограничной будке. Несмотря на утро, было ужасно жарко и хотелось пить. Подошла хмурая Света и спросила:

– Что у тебя?

– Одним пальцем взломала базу данных Польской Республики, восстановлению не подлежит. Ожидаю.

– Терминатор, в щепки всё разнеси!

– Что такое?

– В отстойник поедем..., как всегда, нам везёт.

Я присвистнула – чем дальше, тем хуже!

Часто пересекая российско-польскую границу на автобусе или автомобиле, мы не раз попадали под такую проверку. Это сомнительное удовольствие могло затянуться на несколько часов. Никого не волнует, что ты опаздываешь в аэропорт Гданьска или Варшавы, нашим людям только и остаётся стиснуть зубы, сдерживая поднимающийся из глубины души русский мат. Служивые выполняли свой долг неторопливо, как будто смакуя, и каждый раз Светка валила всё на политику.

– Пани МаксимОва!

Я не сразу поняла, что зовут меня, ударение на предпоследнем слогe моей фамилии звучало непривычно. Вернулась к окошку и просунула туда руку.

– Ешче раз, пани.

В который раз мой указательный палец лёг на сканер, аппарат пискнул и загорелся зелёный огонек. Наконец-то! Я опознана и могу передвигаться в шенгенской зоне хоть вдоль, хоть поперёк, хоть наискосок. Но мы направились в отстойник. Ни один из нас не похож на контрабандиста или наркокурьера, хотя, неизвестно как они выглядят. И за себя и за Светку я могла бы поручиться, но меня никто не спрашивал.

Небольшая площадка для детального осмотра находится рядом с боксом для просвечивания автомобилей. С правой стороны зелёная деревянная скамейка, на неё мы и пристроились. Ждать пришлось долго. Успели сбегать в туалет, вы-

пить весь кофе из термоса и съесть по паре бутербродов со стунцом, заботливо уложенных Сашкой в сумку-холодильник.

Да, да! Именно так – со стунцом, а не с тунцом. Моя дочь, находясь в нежном возрасте, упорно считала, что «стунец» – это и есть название рыбыны. Переубедить её было невозможно, а словечко прижилось в нашем лексиконе.

Спустя какое-то время показался мужчина лет пятидесяти, представитель таможенной службы. Он не торопясь шёл в нашу сторону, играя брелоком. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы не понять очевидное – проверка не больше чем развлечение.

– Ничего не затевай, – процедила мне в ухо Светик, толкнув локтем. – Этот мужик был на КПП.

– Я просто улыбаюсь.

– Заметно! Хочешь, чтобы до судного дня держал?

– Конечно, нет. Я же не сумасшедшая.

– А-а, а то я испугалась.

Её опасения не были беспочвенными. Ломать комедию мы любили, причём, трюк этот выполняли всегда виртуозно. Как правило, начиналось всё с экспромта, но, в зависимости от обстоятельств, он с лёгкостью перерастал в настоящее представление. Буйная женская фантазия образы создавала самые различные: от туповатых тёток до высокомерных светских львиц. Такого рода шоу могли устроить где угодно: на вечеринках, в аэропорту, на пляже, в магазине, везде.

Действия эти имели под собой основание, они являлись нашим ответом на малоприятную ситуацию, в которую вольно или невольно мы оказывались втянуты. В этих играх я всегда была заводилой, ну а Света подключалось мгновенно.

Желания сидеть на польском кордоне ни до судного, ни до какого другого дня не возникало. Как любому нормальному человеку мне не терпелось быстрее унести ноги, то есть колёса. Выпендриваться и что-то изображать из себя на границе никто бы не рискнул.

Лошадку Мэри загнали на «рентген» сканировать скрытые полости в автомобиле, так определяют наличие тайников. Разумеется, никаких укромных мест в машине не было. Наш иноходец принял дозу облучения и понуро стоял в стойле на площадке. У таможенника пискнула рация, он что-то негромко проговорил по-польски и ушёл, сказав дежурное «Ожидайте»!

Мы сидели на скамейке в месте для курения. Света дымила, я потихоньку злилась и размышляла: почему таможенник выбрал именно нас? Обе вежливо улыбались, не хамили, не качали права, Света показала содержимое фольксика, включая бардачок и боковые карманы. Да и кому придёт в голову вступать в полемику с пограничниками и портить себе анкету для последующих виз? Всё просто – машин мало, летний день длинный. Как его убить, если не в компании с двумя русскими пани одна из которых блондинка, другая шатенка? Да ещё и имея власть. Да сам Бог велел!

– Вот ведь, тянут эту резину, – с досадой заключила я.

– Не любят они нас, русских, – мрачно сказала Света и пустила облачко дыма. – Чёртова политика!

– При чём здесь политика? Развлекаются...

Я подошла к фольксигу и вытащила контейнер с тёти Зиниными котлетами.

– Хватит есть, а то за руль не поместишься, – съехидничала подруга, подтягиваясь следом.

– У меня метаболизм хороший, всё равно делать нечего.

– Ну да...

Мы стояли возле машины, облокотившись на разогретый металлический корпус. Я задумчиво жевала котлету, Светик захрустела огурцом.

– Как думаешь, долго ещё? – спросила она. – Столько времени потеряли.

– Не знаю. Может, на этом всё и кончится.

– Дай-то Бог. Представь, сейчас тряпки начнёт проверять вплоть до трусов. Увязем тут часа на три.

Я вообразила себе эту картину и с любопытством спросила:

– А ты везёшь грязное бельё? Может, он фетишист.

– Не придумывай. У меня только гостинцы и посылка тёте Нине.

– Кстати, что там? Гречка с воблой? – лениво поинтересовалась я, дожевывая большой кусок, и затолкала в рот остаток котлетины.

– Алиска замуж вышла за итальянца, – пояснила Света, сочно хрумкнула огурцом и продолжила: – Тётка решила на-совсем остаться, внуков поджидает.

– Ну, и?.. Свадебный подарок?

– Что-то в этом роде. Они с мамой поделили чайный сервиз.

– Какой сервиз? – с полным ртом спросила я и невольно напряглась, прекратив жевать.

– Синенький.

Моё сердце замерло на мгновенье, затем упало в пятки и там и осталось. Синенький чайный сервиз!.. Мамочки мои!.. Уникальный набор Александр III! Воспоминания о первой встрече с этим чудом легендарного фарфорового завода вихрем пронеслись в голове.

Лет десять назад я увлеклась антиквариатом, случайно купив на блошином рынке в Испании четыре декоративные сюжетные тарелки за двадцать евро. Из любопытства стала копаться в интернете и с удивлением обнаружила, что моё приобретение представляет некоторую ценность. Увлечённо перечитала огромное количество литературы, изучала клейма, монограммы, начала рыскать по барахолкам Европы, пополняя коллекцию. Как результат, достаточно твёрдо могла отличить мейсенский фарфор от лиможского, Императорский от Гарднера.

В первый год нашего знакомства Света пригласила меня отмечать Новый год. Гостей ожидалось много. Я напро-

силась помогать и рьяно сновала между кухней и залом, расставляя столовые приборы и сворачивая салфетки. Зинаида Александровна удовлетворенно кивнула, осмотрев мои льняные лодочки, а затем сказала:

– Светочка, достаньте с Наташей синенький чайный сервиз.

Мы полезли на антресоли, вытащили оттуда коробку, открыли её и я обомлела! Безупречной формы тончайшее блюдо лежало сверху, благородно поблёскивая тёмно-синим кобальтом в сочетании с золотом и витиеватым цветочным рисунком. Я перевернула тарелочку и посмотрела на Свету. Она с удивлением спросила:

– Что случилось?

А меня начало тошнить, голова закружилась и я усе-лась на ковёр, не выпуская из рук драгоценность. На оборотной стороне блюда стояло клеймо Императорского фарфорового завода с монограммой Александра Третьего: буква А в центре венка, клеймо с 1881 по 1894 года!

Прибежала Светкина мама, увидела меня на полу и переполошилась:

– Наташенька, тебе плохо?

– Тетя Зиночка, откуда у вас это? – севшим голосом спросила я.

– Что?

– Сервиз....

– Ну, не знаю..., сколько себя помню, всегда у нас был. От

мамы достался, а ей от её м-мамы....

Светик подсунула мне бокал коньяка, я выпила одним махом, пришла в себя и начала вытаскивать содержимое из коробки. С осторожностью вынимала предмет за предметом, осматривала, переворачивала их, проверяя клейма. Расставляла прямо на полу. Сервиз был великолепен, на двенадцать персон с чайником и молочником. Он поразительно хорошо сохранился без сколов и трещин, не хватало только одного блюда.

Светик с тётёй Зиной стояли молча.

– Его... его нельзя для гостей ставить, разбить ведь могут, – произнесла я в полнейшем смятении, задрав голову.

– Но, почему?.. Мы всегда им пользуемся по большим праздникам, – сказала тётя Зина, растерянно оглаживая руками кухонный фартук с красно-жёлтыми петухами.

– Как ещё не переколотили! Включи ноутбук, Света!

Она метнулась в комнату. И я долго и вдохновенно посвящала их в историю завода, показывала клеймо, сравнивала его со знаком на чашках и блюдах, а на десерт обозначила рыночную стоимость – около семисот тысяч рублей или пятнадцать-шестнадцать тысяч евро.

Тётя Зина со Светкой отказывались верить и дружно пили валерьянку.

– Как минимум, четыре поколения прошло, если считать от тебя, – я озвучила династическую связь, указывая на младшую из членов семьи. – То есть, получается, от пра-пра-

бабки.

– Может, она была любимой фрейлиной императора? Он ей подарил в знак любви. Вот это супер! – высказала версию Света, начав проводить родословную, конечно же, не ниже чем от царской фаворитки.

– Кто бы спорил, что твой повышенный интерес к мужчинам на генном уровне. Надо его убрать и никогда никому не показывать.

Я понимала, что может случиться всякое, не дай Бог, кто-то узнает. Светик по-прежнему не могла принять сенсацию и переспросила:

– Ты точно уверена?

– Сомневаешься? Давай сфоткаем и разместим в интернете, но за последствия не ручаюсь.

Мы аккуратно убрали сервиз в коробку, переложив его льняными салфетками с васильками, и снова поставили на антресоли. Иногда тётя Зина звонила мне и говорила пароль:

– Наташенька, приходи, жду.

И я неслась как сумасшедшая, чтобы ещё раз подержать в руках сокровище, почувствовать гладкость и теплоту старинного фарфора, помыть, просушить и снова бережно упрятать наверх. Я не просила продать, да и свободных денег на дорогостоящие покупки у меня не было, но точно знала: такие вещи не должны уходить из семьи. Их следует передавать из поколения в поколение как драгоценную реликвию.

За восемь лет экономические катаклизмы в стране и

скачок евро по отношению к нашей национальной валюте значительно повысили ценность чайного сервиза. На тот момент стоимость составляла около одного миллиона двухсот тысяч рублей. И вот теперь, это рукотворное чудо, музейный экспонат, предмет моего обожания и вожделения, лежало в большой белой коробке в багажнике на заштатной польской таможне!

Светик в недоумении смотрела на меня.

– Что?..

Как рыба стунец, хватая ртом воздух, я приходила в себя. С трудом сделала глотательное движение, протолкнула котлету и, еле сдерживая подступившую злость, спросила:

– Почему ты мне не сказала?

– Что я должна была сказать? Тебя же не было, а потом закрутилась, – она попыталась объяснить, заметив, что я готова взорваться.

– Лопну сейчас от бешенства!

– Они же родные сестры, мама и тётя Нина!

Я чуть не взвыла от гнева! Невидящим взглядом сверлила бокс для просвечивания автомобилей и бесилась! Как они могли?!.. Как они могли его располовинить?! М-мм... Как?.. Объясняла же, в семье должно оставаться! Ну, почему?!.. Почему он достался им, а не мне? Несправедливо! Синенький....

– Какой тебе синенький?.. Это кобальт, ко-бальт!.. Миллион раз говорила! – взвилась я, потеряв самообладание.

Прикрывая рот ладонью, давилась яростью, чтобы не наорать на подругу.

– Они так решили, не я! Этот чёртов сервиз не мой!

– Не чёртов, а Александр Третий! Но ты хотя бы документы оформила?

– К-какие документы?.. Боже мой, даже не подумала! – ответила Света, моментально побледнев, следом на её лице начали проступать красные пятна.

Протяжный гортанный рык вырвался из моей груди. Господи, какой кошмар, мы контрабандистки!.. Что сейчас будет?!.. Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с волнением, и с силой провела рукой по лицу. Осознание безысходности затопило разлившейся рекой и выплеснулось через край. Я иступленно сжала Светкин локоть, задыхалась от бури чувств и отстреливала фразы:

– Ты... ты не опоздала с этим вопросом? Документы?.. Я тебе скажу, какие документы!.. Свидетельство на вывоз – раз! Экспертиза в Минкульте – два!

– И что?

– Ничего!.. Угадай с трёх раз, что случится, если найдут?!

– Господи, мне плохо! – сдавленным голосом сказала Светик, извечным женским жестом прикрыв рот ладошкой. – Какой ужас!

– Не то слово!.. Ему больше ста лет! Это культурная ценность Российской Федерации! Можешь себе представить?.. Кто бы дал разрешение вывезти? Кто?.. Ну, ты знаешь таких

людей?

Я рассвирепела до такой степени, что чувствовала как напрягаются жилы на шее. Грозящие нам безрадостные последствия Светик явно осмыслила. Она не смогла выдать ни слова, заморгала часто-часто и отрицательно помотала головой. Лицо заострилось, губы сжались в тонкую полоску, она пыталась вдохнуть, но только издавала невнятные захлёбывающиеся звуки. Света не шевелилась, застыв в неподвижности и не выпуская из руки недоеденный огурец. Даже костяшки пальцев побелели, так она его сжимала! Я же пыталась сообразить, что со всем этим делать, вернее, что с этим ничего сделать нельзя.

На меня же как помешательство нашло и я продолжала хрипло её уничтожать:

– Стоимость этой коробочки полмиллиона! А таможенную декларацию ты заполнила?

– М-может быть....

– Хочешь еще?.. Пожалуйста! Всё вместе называется контрабанда!.. Понятно?!..

Она ничего не ответила и тоскливо угукнула.

– Штраф равен стоимости нелегала!.. У тебя есть свободные пятьсот тысяч?..

Света икнула, моргание прекратилось, но теперь у неё задергался левый глаз. Нервный тик начался и у меня, только справа, однако обвинительную речь я должна была закончить, иначе невозможно!

– Как мы ещё нашу таможенную проскочили, уму непостижимо!.. Хотя, дуракам везёт!.. То есть, дурам!

– М-может, и здесь проскочим?!

– А если нет?.. Хочешь сидеть в тюрьме?.. Российской или польской? На твой выбор!

– Н-но я же не знала!

– Кого это интересует?

– Что делать-то?.. – прошептала Света, испуганно глядя на меня в ожидании готового ответа.

– Не знаю!.. На этот вопрос будет отвечать Александр Друзь! – со злорадством сказала я, именно такой у меня всегда была первая реакция на стресс. – Делай что угодно! Вешайся прямо здесь, в отстойнике!.. За решетку не пойду, зэчками на старость лет станем?.. О детях подумай!

После окончания престижного вуза в Москве я несколько лет проработала финансовым аналитиком в крупной компании. В особо сложные минуты моя мозговая деятельность учащалась до состояния компьютера, просчитывающего варианты. Сейчас я лихорадочно искала лазейку к спасению, но на ум ничего не приходило. Хоть ты тресни, её не было. Мы провезли контрабанду и теперь получим по закону! Что ж, оставалось биться до конца – либо борись, либо спасайся бегством, только бежать-то некуда!

Пан майор возвращался к нам. Мы синхронно натянули на лица подобие улыбок. Я резко отпустила Свету, огурец выскочил у неё из руки и откатился к багажнику. Таможен-

ник проводил его взглядом и хмыкнул.

«Что делать-то?!» – меня потряхивало от этой мысли. Я цеплялась за крохотную надежду: может быть сейчас он поставит отметку в контрольном талоне и на этом всё закончится. Не тут-то было! Офицер попросил открыть машину для досмотра!

– Простите, не розумем по польску, – отозвалась Света, прочухавшись от первого потрясения и кокетливо пожимая плечиками. Хотя, это движение больше напоминало судорожное.

По-польски она розумела очень даже прилично, как и я. Речь Посполитую мы посещали с завидной регулярностью, для калининградцев города Гданьск, Эльблонг и Мальборг почти то же самое, что для москвичей Тверь, Тула или Владимир. Понятно, элементарный запас слов у нас имелся. Кроме того, давнее знакомство с Лешеком, Лехом Тарновским, не прошло даром. Света довольно сносно изъяснялась на этом языке и даже знала несколько песен. В данную минуту она смекнула, что для нас лучше польский не знать. Не понимаем и всё тут! Не обязаны и никто не заставит! Мы с ней переглянулись – играем идиоток, потянем время, пока сообразим, что делать.

– Что там? – сказал пан майор, постучав брелоком по багажнику фольксика. Он жестом показал, что нужно вытаскивать вещи.

Чёрт!.. Сердце отстукивало в ритме румбы!

Светик, вильнув точёным бедром, не торопясь подошла к багажнику и плавным движением его открыла. Я, тяжело вздохнув и закусив губу, встала рядом с обречённым видом. Так простояли около минуты, уставившись внутрь и выдерживая паузу. Поляк с нетерпением произнёс:

– Внимайте вещи!

Мы вместе вытащили большую коробку, задевая друг друга локтями и успев перешепнуться: "Ну, что?", "Ничего, не знаю, а ты?", "Тоже ничего"! Поставили её на землю, медленно выуживали и укладывали аккуратными рядами предметы санитарной гигиены: два рулона туалетной бумаги, четыре упаковки женских ежедневок, два тюбика зубной пасты, пару пляжных соломенных шляп, дезинфицирующие салфетки, шампуни, бальзамы и много других мелочей. Полный набор хорошего парфюмерно-косметического магазина! От волнения я уронила флакон с шампунем. Он треснул и вязкая оранжевая жидкость яркой лужицей расползлась по асфальту. Чёрт!

Таможенник крутил брелок на пальце и с интересом смотрел то на меня, то на Свету. Она солировала изощрённо: выгибала спину, подбоченивалась справа, слева, принимая позу гитары, тонкими пальчиками подравнивала ряды коробочек и флаконов, в общем, ломала комедию. Поляк втянул живот, выпятил грудную клетку, поправил волосы и изменил вектор движения в сторону неё, выдвинувшись на два шага вперёд. Было бы куда затащить его, подпоить и Светка уло-

жила бы на обе лопатки, без вариантов! Но мы на таможене, на польской границе! «Чёрт побери! Что делать?.. Что делать?» – мысль билась как пойманная рыба в сети.

Солнце палило нещадно. Я натянула шляпу, пряча под ней бушующие эмоции. Усердно пыталась, пытаюсь вытащить вторую коробку, Светик закончила и взялась мне помогать.

– Такая тяжеленная, что в ней, кирпичи? – голосом приговорённого к смертной казни спросила она. – Может, его попросить помочь?

– Не знаю, не я паковала. Так он и бросится наши вещи тягать!

– Откроем, давай, перетаскаю на скамейку.

Утихомиривая чувства, я распечатала коробку. Ну и ну! Чего там только не было! Домкрат, аварийный знак, светоотражающие жилеты, подушки для плавания, большой туристический фонарь, ежедневник с прицепленной ручкой и ещё разные железяки и приспособления, назначение которых мне неизвестно. Ясное дело, эту коробку собирал Славка. Я некстати подумала: «Интересно, неужели он предполагал, что мы двинем вплавь на Корсику, через Тирренское море? Посреди ночи усядемся верхом на надувные подушки и будем подсвечивать себе туристическим фонарём»? Слов нет, учитывая наши прошлые подвиги, гипотетически это возможно, в реальности – исключено. Света боялась воды как огня и категорически отказывалась заходить в море выше колен хоть с плавательным средством, хоть без него.

Подрагивающими руками я вынимала вещи из коробки, Светик относила их на скамейку. Таможенник покручивал брелок на пальце и смотрел на неё, слава Богу, не на меня. Три шага от багажника до лавки она проходила как по подиуму, туда и обратно. Я исподтишка поглядывала, оценивая натуральность игры: центр тяжести сбалансирован, голова прямая, макушку тянет вверх, бёдра выносит как настоящая манекенщица. Каждый раз возвращаясь, Света нашёптывала идеи для спасения:

– Может, коробку уроним?.. Пусть разобьётся, осколки никто проверять не будет.

– Какую? Ты точно знаешь, где он?

– Да, в белой, – ответила она, тяжело вздохнув, и снова удалилась.

Я как представила, что мы сейчас намеренно грохнем сервиз, мне стало ещё хуже.

– Могу в обморок упасть, – предложила подруга на очередном витке.

– И я... Что это даст?

– Не знаю, но мы же женщины...

Я достала фонарь. Он был такой классный, как у военных, с большим прожектором, и протянула его Свете. Нечаянно нажала на кнопку. Совершенно случайно! Мощное свечение ударило в её раскрасневшуюся физиономию, она резко отпрянула и яркий луч ткнулся в глаза пана майора. Он негромко вскрикнул, зажмурился и закрыл лицо руками.

Ах ты, Господи! Ещё и это!.. Я растерялась так сильно, что никак не могла отключить дурацкий фонарь и крутила им во все стороны, кляня собственную неуклюжесть: Чёрт! И так-то!.. Вечно я...!

Светик приняла огонь на себя, синицей подлетела к таможеннику и защебетала:

– Простите, пан майор!.. Как неловко получилось! Простите, пожалуйста!

Подруга сплела паутину из заломленных тонких рук и серых страдальческих глаз. Она обеспокоенно заглядывала поляку в лицо, дотрагивалась до него, охала, ахала и бесконечно извинялась. Грудь у пана майора развернулась колесом, продержалась в таком положении несколько секунд, но тут же сникла. Видимо, у бедолаги не хватило дыхания выстоять перед Светкиным натиском.

Подошёл другой таможенник, помоложе. Он выхватил у меня злосчастный фонарь, отключил его, положил на скамейку и заговорил с нашим паном майором. Тот уже совсем очухался и только изредка потирал глаза. Мы получили короткую передышку и привалились к машине.

– Ну, ты даёшь! – чуть слышно сказала Светка.

– Не специально же!

– Я тоже!

Мы примолкли, прислушиваясь к разговору мужчин, но они беседовали слишком тихо. «Что-то заподозрили? – я старалась угадать по движению губ и приглушённым зву-

кам. – Психологи же, мать твою!.. Если люди нервничают, значит, есть что скрывать. И с фонарем ещё!.. Может, об-суждают штраф за мой фортель? Так и Бог с ним, пусть вы-пишут и отпустят»!

– Как думаешь, о чём они? Ничего не могу разобрать, – сказала Света, напряжённо пытаюсь уловить обрывки поль-ской речи.

– Не знаю!.. Я вообще уже ничего не знаю!

Офицеры негромко переговаривались, поглядывая на разложенное имущество. Со стороны это выглядело великолепно! Справа от нас гора железок и причиндалов для пу-тешествий, слева, на асфальте, всякая-всячина для мелкой уличной торговли. Всё вместе напоминало барахолку в вос-кресный день, если ещё наши тряпки развесить – один в один блошинный рынок.

Молодой таможенник ушёл, а пан майор придвинулся ближе. Я решительно открыла свой чемодан, но поляк ловко прихлопнул крышку и подчёркнуто вежливо сказал:

– Не нужно, пани.

Непонятно было, то ли он нас потихоньку ненавидел, то ли боялся очередной выходки. Наверняка, офицер представил, как две русские пани трясут тряпками у него под носом. Шоу с одеждой мы могли растянуть часа на два, а значит, ещё некоторое время оставаться на свободе, но какой мужик это вытерпит?

Я покорно закрыла чемодан, изображая облегчение. В

груди всё клокотало – вот сейчас он обнаружит сервис и нам конец! Хоть караул кричи, и, правда, что делать-то с этой посудой? Чёрт побери!.. Что делать?

Таможенник указал брелоком в большую белую коробку, запечатанную скотчем: Эту!

Пятнистая, как пантера, Света рванула ручку своего ярко жёлтого чемодана и со словами «Побачьте мои вещи, пан майор!», ринулась грудью на амбразуру. Господи Иисусе, при чём здесь «побачьте», мы же не на Украине? До смерти перепуганная Света от усердия попутала языки и страны.

– Не нужно, пани! – повторился поляк и вновь приосанился.

Он пригладил волосы на затылке и мягко отодвинул Светкину руку. И тут случилось что-то невероятное – подруга отлетела вместе с чемоданом! Она упала, ударившись о скамью, и замерла.

Я подскочила к ней и запричитала:

– Света!.. Светочка, что с тобой?.. Открой глазки!

Пан майор приземлился рядом. Его лицо посерело, глаза вылезли из орбит, дышал он тяжело и глухо, как старый паровоз.

– Убивец! – брякнула я, неизвестно откуда выдернув слово на старорусском языке.

Схватила шляпу и вручила таможеннику, жестом велел махать. Он затряс ею перед носом у обездвиженной Светы, а я брызгала ей в лицо аква спреем и повторяла:

– Светка!.. Светочка!..

Она, определённо, переигрывала. Я могла поклясться, что офицер ничего плохого ей не сделал – не врезал, не толкнул, Светик отлетела сама, как ракета на Байконуре. Но она лежала, не шевелясь, а под ногами валялся раздавленный огурец. Молниеносно пронеслась догадка: она наступила на него, когда с перепуга вцепилась в чемодан и на нём же поскользнулась! Тут я ужаснулась и заревела!

– Светка!.. Светочка, не пугай меня!.. Открой глазки, ну..., пожалуйста!

Меня трясло от захлестнувшей паники. Что с ней? Хлопала её по щекам, пыталась поднять за плечи отяжелевшее тело, но оно снова грузно оседало.

Пан майор сообразил что-то, отшвырнул шляпу на землю, включил рацию и быстро заговорил по-польски. Через несколько минут примчался белый автомобиль со знаком «AMBULANS». Двое мужчин в медицинской одежде выскочили из него и бросились к Свете, бесцеремонно отпихнув и меня и офицера. Они ощупывали её, осматривали зрачки, а потом достали носилки и осторожно положили на них потерпевшую. Затуманенным взглядом я проводила Свету, исчезающую в глубине фургона, сирена взвыла и неотложка умчалась. Я заревела ещё громче.

Неизвестно откуда взялись два молодых таможенника на легковом автомобиле с надписью «GRANICA», один из них приходил раньше. Они о чём-то поговорили с паном майо-

ром, затем белобрысый подошел ко мне и спросил:

– Пани может ехачь?

– К-куда?.. В тюрьму?

Я совсем ополоумела и готова была сдаться польским властям, как если бы сама убила подругу. Благо, парень недостаточно хорошо владел русским языком и про места не столь отдалённые ничего не понял.

– Пани будет ехачь в хоспитал до своей дивчины?

– Д-да, я б-буду ехать!.. К-конечно, я буду ехать, – говорила я, безостановочно всхлипывая, кивая и размазывая слезы. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

Он поставил штамп на контрольный талон, протянул мне бутылку с водой и сочувственно сказал:

– Спокойнее, пани!

Втроём они сгребли наши вещи, распихали по коробкам и втиснули в багажник. Почему-то всё не поместилось и излишки просто свалили россыпью. Пан майор запрыгнул в служебную машину, жестом указав следовать за ним. Ничего не осознавая, я нырнула за руль и мы покинули пограничный пропускной пункт Граново Республики Польша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Фольксик прицепился за хвост автомобиля с опознавательным знаком «GRANICA» и не отставал ни на метр. Слезы застилали глаза, я молилась и чертыхалась одновременно.

– Господи, пусть она выживет, ну пожалуйста!.. К чёрту этот сервиз!.. Боже мой, что я скажу тёте Зине?.. А Светки-

ным пацанам?.. Господи помилуй! Ни одна плошка в мире не стоит человеческой жизни!.. Боже!.. Я готова идти в тюрьму и отсидеть до самой старости, лишь бы Светка осталась жива! – тупо повторяла я снова и снова.

Вображение рисовало ужасающие картинки. Вот меня выводят из зала суда в наручниках, Сашка кидается вслед со слезами, тетя Зина тихонько утирает глаза платочком. Затем я прогуливаюсь по тюремному двору в полосатой одежде, руки за спиной, как у всех заключенных в кино. В следующем эпизоде ем баланду вместе с сокамерницами. А это сцена освобождения: спустя двадцать лет, скрюченная и беззубая, выхожу из ворот тюрьмы, держа в руках узелок с вещами. Меня встречают Сашка и Игорь, далеко не молодые. Рядом с ними двое, нет, трое взрослых детей, моих внуков. Я их совсем не знаю и боюсь подойти, потому что превратилась в старую и страшную зэчку, у которой изо рта жутко воняет.

Гммм... Я буквально заскрежетала зубами, всхлипнула и опять завелась:

– Господи, пусть Светка выживет!

Мы въехали в Бранёво, небольшой приграничный городок в Варминьско-Мазурском воеводстве, и через два перекрестка оказались возле больницы.

Пан майор вышел из машины, махнул мне и побежал вверх по ступенькам. Я выскочила из фольксика и пулей полетела следом.

– Ожидайте, пани, – сказал поляк, легонько тронув меня

за плечо.

Я села на лавочку, он быстрым шагом ушёл в глубину коридора. Гнетущие думы снова заполнили мозг, первая волна прошла, но я мысленно усугубляла ситуацию. Всхлипывала, прикрыв рот ладонью, и подписывала Светке смертный приговор окончательно и бесповоротно. Дошла до того, что возлагала цветы на свежую могилу.

Зазвонил телефон.

– Натушка, что случилось? Где вы есть? Светличка не отвечает, – встревоженным голосом спросил Лешек.

С Лехом Тарновским мы познакомились около пяти лет назад. По возрасту он постарше нас, на то время ему исполнилось сорок два. Я сцепилась с ним на блошином рынке в Братиславе из-за «Юного Наполеона», маленькой декоративной тарелочки лиможского фарфора. Мы отчаянно спорили на смеси трёх языков. Тогда я польский не знала вообще, Лешек же по-русски уверенно говорил только «здравствуйте – пожалуйста». Спасал английский, у поляка почти идеальный, у меня хромой на обе ноги. Пожилой усатый мужичок словак радостно ухмылялся и ждал кто кого.

– Я первая! Эта тарелка моя! – говорила я, тыча указательным пальцем в грудь, а затем указывая на тарелку.

– Леди, я договорился с этим джентльменом и я плачу деньги! – Лешек не уступал со спокойствием Будды и для пущей убедительности добавлял на забавном русском: – Панимаишь?.. Панимаишь?

Я понимала, но упускать своё не хотела. Тарелочка была очень интересной: портрет молодого Наполеона Бонапарта в военной форме на тёмно-бордовом фоне.

Мы препирались долго, пока не подошла Света, обвешанная сумками. Дальнейшее произошло как в голливудском фильме – Лешек на глазах просто расплзся кисеёй! Его шея вытянулась, тёмно-серые глаза засветились каким-то неземным светом, он весь подобрался, втянул живот и сказал глубоким грудным баритоном:

– Окей, тарелка ваша!

Лешек отдал двадцать евро словаку и передал мне желанный трофей со словами:

– Подарок для русской пани!

При этом он ни на мгновение не отводил глаз от подруги. Счастливая случайность в виде «Юного Наполеона» свела его с самой изумительной женщиной во всей вселенной! Стрела Амура вонзилась между лопатками Лешека и застряла там навечно, время от времени сверля свою жертву приступами ревности. Окрылённый поляк пригласил нас в ресторан отметить моё приобретение. Он суетился, заказывая всё подряд: запечённую рульку, словацкий фасолевый суп, свинину на шпажках. Лешек нервничал, что порции маленькие и дама сердца сочтёт его чистейшей воды жмотом. Он подзывал официанта, указывал в меню и тот опять приносил огромное количество разных блюд.

– Это всё нам? – в полном изумлении спросила я.

– А кому? Он молодец, видишь, как старается, – похвалила Света нового знакомого, бросая на него чарующий взор.

– Решит, что мы обжоры.

– Наоборот, если женщина любит поесть, значит, это правильная женщина. Она здоровая, жизнерадостная и с ней хорошо. Давай, ешь!

Так я узнала о влиянии аппетита слабого пола на обольщение мужчин и сделала вывод: со мной тоже всё в порядке. Очень хорошая женщина, просто бесподобная!

Смею заверить – формула эта работает. Мы предавались чревоугодию так, как будто у нас целую неделю во рту крошки не было. Лешек реально выглядел счастливым, глядя как две русские пани поглощают яства традиционной словацкой кухни. При этом Светик обворожительно смеялась и лопотала на каком-то непонятном языке. Она начинала речь польски со знакомых слов, они быстро иссякали, подруга переходила на русский, а затем завершала всем известной фразой «Thank you very much»! Света кокетливо конфузилась, скидывала брови и расстреливала бедного Лешака в упор серыми глазами. Худо-бедно, я понимала по-английски и могла поддержать видимость беседы. По окончании трапезы он всучил нам визитку, взял номера телефонов и не утомился, пока подруга не дала обет, что мы заедем к нему на обратном пути.

С тех пор Лешек любил Светку безнадежно и беспросветно. Несколько раз предлагал ей руку и сердце, пытал-

ся натянуть на дамский пальчик старинный прабабкин перстень с большим изумрудом. Поляк называл её «Моя милочка» (любимая моя), «Светличка», но она была непробиваема, как скала, и кольцо отвергала. Иногда мы гостили в его особняке в Гдыне на берегу моря. Я обожала рассматривать витрины с фарфором, бронзовые статуэтки, картины, мебель. Могла часами разгуливать с лупой по всему дому, изучала клейма, рылась в библиотеке. В отличие от меня, поляк оказался коллекционером серьёзным и его дом ломился от раритетов. Светик же просто отдыхала и благосклонно принимала поклонение Лешека, он же готов был бросить весь мир к ногам своей королевы! Иногда поляк приезжал к нам в Калининград, галантно целовал ручку Зинаиде Александровне, вручал огромный букет и пакет с разными деликатесами и подарками. И сколько бы мы не пытались с тётей Зиной повлиять на Светку, говоря, какая она Ворона Марковна, та только отмахивалась со словами:

– Отстаньте! Что я буду делать в этом Гданьске? Гусей пасти?

– Ты их видела? И где выгуливать – на стриженном газоне или на клумбе? Если понадобится, то и попасла бы, не переломилась! – я пыталась образумить строптивую подругу.

Ну никак Светик не могла увидеть в Лешеке того самого принца, рыскающего по всему белому свету в её поисках, и с которым она должна встретиться неизвестно где.

Я прикрыла рукой телефон, чтобы преданный поляк не

слышал мои всхлипывания. Что сказать? Его Светличка при смерти? Убилась, поскользнувшись на огурце? Боже, дай силы пережить это!

В конце коридора показался наш таможенник.

– Попозже перезвоню! – бросила я в трубку и отключилась.

Сердце колотилось так сильно, что отдавало в голове ударами молота. Пульс зашкаливал от страха услышать плохие новости, я таращилась на офицера и боялась вздохнуть. Он сел рядом, вытер пот со лба, посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ииии... – я заскулила как маленькая бездомная собака и уткнулась ему в плечо. Сжалась в комок, стонала от внезапно пришедшего облегчения и плакала. В итоге, от моих слёз осталось мокрое большое пятно на его форменной рубашке, а поляк сидел ровно, боясь шелохнуться, и только повторял:

– Всё есть добже, пани!.. Всё есть добже.

Когда я обуздала чувства и перестала всхлипывать, пан майор прояснил обстановку:

– Твоя дивчина ма лекки вчрошнень мозгу.

Я кивнула: понимаю. У Светки лёгкое сотрясение мозга, ничего страшного. Вот зараза! За все мои переживания могла бы иметь что-нибудь посерьёзнее, пару сломанных рёбер, например. Так нет же, кроме легкого вчрошненья она ничего больше не получила!

Ждали мы около полутора часов. За это время пан май-

ор успел раздобыть кофе из автомата, я сгоняла за бутербродами. Мы сидели на лавочке и мирно говорили за жизнь. Страшное осталось позади, мне было хорошо и спокойно.

– Як пани на імён?

– Наташа.

– Росьянинэм пани Наташа. Мам на імён Марек.

– Бардзо ми позначь (Приятно познакомиться), – ответила я и улыбнулась, на этот раз совершенно искренне.

– Ту розуме по польску? – спросил таможенник, выжидающе глядя на меня.

Я примолкла. Со всеми стремительными событиями из головы напрочь вылетело, что мы заявили на границе, что не знаем польский.

– Чуть-чуть, совсем немного... э-э... как это сказать? Трохэн по польску, пан Марек, – бормотала я, выкручиваясь на ходу.

И сразу понеслись следующие мысли: сервиз!.. Контрабанда!.. Я чуть не подскочила, но одумалась быстро и поднялась как бы нехотя. Небрежно кинула собеседнику «Ожидайте!» и неторопливо вышла из приёмного покоя. Выйдя на крыльцо, бегом припустила к фольксикю, открыла багажник и вслепую принялась искать драгоценную коробку. Нащупала её, руками раздвинула горы сваленного на таможе барахла и затолкала голову внутрь этой кучи. Она, точно, она!.. Захлопнула багажник и спиной навалилась сверху.

Тяжёлое гнетущее чувство поднималось снизу от са-

мых пяток, через живот, к сердцу и там засвербело калёным железом. Совесть! Моя забытая совесть, она оклемалась от стресса и не давала покоя: мы со Светкой нелегально вывезли национальное достояние нашей страны! Что делать? Идти в Российское посольство в Польше и во всём признаться? Возможно, большой срок не дадут, сдадимся добровольно и суд учтёт явку с повинной. Штраф в полмиллиона всё равно впаяют, а таких денег ни у меня, ни у Светы нет. Может, попросить Лешека, чтобы заплатил за нас? А что, если любит, пусть раскошеливается! Тогда Светке придётся выходить за него замуж, из порядочности. Хотя, при чём здесь я? С какой стати он должен вносить деньги и за меня? Я сумрачно вздохнула. Так хорошо всё начиналось совсем недавно, ещё семь часов назад.

Я закрыла багажник, машину, проверила раза три, держа за ручки со всех сторон. Только в полной мере убедившись, что лошадка Мэри запаяна намертво, включила сигнализацию и вернулась в приёмный покой.

Пан майор стоял рядом с врачом. Они о чём-то переговаривались, а рядом, в кресле-каталке, сидела Света! Расселась, совсем немощная, что ли? Волнение снова разыгралось, заставляя учащаться сердечный ритм. Таможенник увидел меня, заулыбался и приветливо взмахнул рукой.

Я подошла поближе и внимательно рассмотрела её. Зрелище было печальным – голова упакована как кокон, одна штанина джинсов разодрана от бедра до колена. Вероят-

но, в момент падения Светик зацепилась за угол скамейки. При виде меня блаженная полуулыбка отразилась на её лице. В заторможенном создании, завалившемся на один бок, с большим трудом угадывалась моя аристократичная красавица подруга. Я присела на корточки возле кресла и спросила.

– Ты как?.. Жива?

– Нату-уль! – жалобным голосом сказала она. – Жива-а!

Светик силилась сконцентрировать взгляд, но это ей не удавалось.

– Всё есть добже, пани! – офицер произнёс кодовую фразу, дружелюбно похлопал меня по плечу и опять повернулся к врачу.

Добже то добже, но спектакль надо продолжать, всё-таки, пан Марек таможенник, пусть даже и оказался хорошим человеком. Бдительность терять не стоило.

– Как ты, дорогая?.. Так напугала нас!.. Ручки-ножки целы?.. Всё в порядке? – я заверещала, бегая вокруг кресла-качалки. Ощупывала Свету, всплёскивала руками, как насадка, а она удивлённо смотрела на меня.

– Последний разум отшибло? – рявкнула я раздраженно. После пережитого напряжения пришла злость.

Или у Светки воистину произошёл какой-то сдвиг и она позабыла обо всём, или сочла, что опасность миновала и успокоилась. Она находилась в ступоре, не знала как действовать и я незаметно ущипнула её за руку.

На всякий случай, боясь сделать что-то не так, Светик

приняла верное решение. С усилием подняла руки к голове, обхватила её и начала стонать, глазами ища у меня поддержки: правильно?

Я моргнула утвердительно. Вероятно, Света припомнила инцидент на таможне и негромко спросила:

– Всё нормально?

Естественно, мне было жаль её. Приложилась она серьезно и, надо полагать, голова гудела как колокол. Но вредный характер никуда не денешь, да и встряска оказалась настолько сильной, что у меня тоже началась мигрень. Я быстро поблагодарила врача, ухватила кресло за ручки и покатила его к выходу.

– Сервиз изъяли, едем в следственный отдел, – я соврала легко, не в силах удержаться от ядовитых комментариев.

– П-правда?

– Ещё какая! – подтвердила я с мстительным удовольствием. Пусть тоже переживает, не мне одной! – Лешеку звонить буду, он адвокат, пусть решает, что делать.

– Н-нас посадят? – прошелестела Света, подняв голову и глядя на меня овечьим взглядом, мелкая дрожь пробежала по её телу.

– Скорее всего, дадут десять лет без права переписки!

– Нам?

– А кому?!.. На границе сказали – пани, по вам обеим тюрьма плачет!

– В с-смысле?.. Настоящая?

– Игрушечная! Сказочная темница! Окошки такие резные, в клеточку!

– Н-не хочу!

– А ты думаешь, я хочу? С детства горю желанием в полосатой робе ходить! Но, как говорится, Светик, от сумы и от тюрьмы...! Вместе срок мотать будем!

За время моего короткого монолога она снова завалилась на бок. Я испугалась: как сонная муха, феназепам, что ли, вкололи? Забежала вперёд проверить её состояние. Нет, Света была в порядке, не считая мутных глаз и отрешённо-испуганного выражения лица. Я тут же перетрусила: вдруг опять отключится? По видимому, у неё полный винегрет в голове.

– Ну, какая тюрьма? Три часа только прошло. Всё хорошо. Ты, правда, ничего не замечаешь? – сжалилась я.

– С-совсем смутно, спать охота, – с убитым видом ответила она и прикрыла глаза.

Совість моя тут же вскинулась в справедливом упреке: ей и так плохо, а тебе сию секунду вздумалось добить.

– Ладно, пробьёмся, отдохай, – сказала я, горестно погладив кокон, и повезла раненую дальше.

Пан Марек догнал нас на улице и протянул заключение и рецепт. Он помог Свете усесться в машину, та потрясла его руку со словами «Денкуе! Спасибо!» и притихла.

Я обратила внимание, что офицер перестал выпячиваться при взгляде на неё. Может быть, белая повязка на Свет-

кий голове его смутила. Не исключено, что решил держаться подальше от двух сумасшедших русских пани.

– Денкуе за помощь, пан Марек, простите, – я от души поблагодарила, протягивая руку.

Он ответил крепким рукопожатием, не долго подумал, а затем медленно на русском языке произнёс:

– Не говори спасибо!

Я рассмеялась, а довольный таможенник протянул мне бумажку и сказал:

– Пани Наташа, то есть мой телефон. Задзвонь до мене кеды знову бенджишь на границы.

Я помахала ему на прощанье, облегченно вздохнула, села за руль и мы выехали за ворота больницы.

Света хотела что-то спросить, но я ее прервала:

– Спи, это сейчас для тебя самое лучшее.

Тюрбан слегка мотнулся, она устроилась поудобнее и почти сразу уснула. Мы выехали из Бранёво и через десять минут выскочили на бетонку, называемую в простонародье «берлинка». Я остановила машину на обочине, приняла таблетку и позвонила Лешеку. Как и предполагала, встревоженный поляк не находил себе места.

– Не нервничай, всё в порядке, – подбодрила я. – Да, все живы, через два часа будем.

Лошадка Мэри влилась в поток автомобилей и взяла курс на Гданьск. Дорогу эту знаю как свои пять пальцев, особого внимания не требовалось. Головная боль немного про-

шла и я расслабилась, подруга мирно посапывала рядом. Через полтора часа притормозила на заправке, купила два стакана кофе и растормошила её.

– Где мы? – она задала логичный вопрос. – А-а, почти приехали.

Света пила горячий эспрессо и постепенно возвращалась к жизни.

– Как себя чувствуешь? – спросила я, подходя издалека и пристально её изучая.

По всем показателям она выглядела вполне себе: взгляд осмысленный, никуда не кособочится, не трясётся, не заикается, только намотанные бинты напоминали о происшествии.

– Нормально, голова немного побаливает. Интересно, что там? – спросила Светик, ощупывая затылок. – Ой!.. Больно!

– Это хорошо! Если болит, значит, есть чему. Как ты могла так нас подставить? В мозгу не укладывается!

– Да уж!.. Такой глупости я от себя тоже не ожидала. Вот бестолковая!..

В её голосе звучало искреннее покаяние и мне пришлось наступить на горло собственной обвинительной песне, но душевные терзания не давали покоя. Такая ценность, а мы её вывезли! Преступники, причём, группа лиц по предварительному сговору! Как-то же с этим примириться надо, что, если....

– Хватит угрызениями совести мучиться, слишком позд-

но, – прервала мои размышления Света. – Потерявши голову, по волосам не плачут!

Она не просто вернулась в строй, а была в полной боевой готовности!

– Ощупай как раз, твоя-то на месте?

– На месте, не беспокойся! И руки, и ноги, и мозги, всё в наличии! Не придумывай, поезд ушёл!

– Стащат сервиз, не приведи Господи, тогда что? – сумрачно сказала я, садясь за руль и хлопая дверью.

– Кто про него знает? – вывернулась Света, пристёгиваясь ремнём безопасности.

– Мало ли!.. Жулья везде навалом. А если тормознут на досмотр? Обнаружат, а документов-то нет!

– Не нарушай ничего, тогда и не остановят.

Я промолчала, дальше ссориться не хотелось. Какой смысл? Решила для себя, лучше у Лешека спрошу. С этой мыслью повернула ключ зажигания и мы выехали с заправки.

– А твои вечные подковырки.... Зачем про тюрьму насочиняла? – через недолгое время вспомнила Света.

– Так ты всё понимала и притворялась? – спросила я, снова начав сердиться. – Актриса!.. Фаина Раневская!

– Не до такой степени, но испугалась, врать не буду.

– Не арестовали, так машину бы конфисковали. Безнаказанно никто бы не отпустил, не сомневайся!

Наплеватьство подруги на нашу безопасность выводило из себя. Она не нашла чем аргументировать и призадумалась.

лась. Просто так сдать Светик не могла, выискивала любые способы меня поддеть. Нашупав какую-то зацепку, она повернулась и насмешливо спросила:

– Пан Марек?.. Пани Наташа?.. А это что было?

Как-то резко мне надоели все споры, усталость навалилась тяжёлым грузом и я глубоко вздохнула.

– Глупая ты, Свет. Представить себе не можешь, что я пережила. Мы с ним уже как братья.

– Когда это вы успели побрататься? Пока я в коме пребывала?

Я пропустила мимо ушей её выпад и продолжила:

– Когда ты вышла из строя, даже сначала не поняла, думала, прикидываешься. А потом до меня дошло, что всё по-настоящему... . Чуть рядом не свалилась, а он, считал, что прибил тебя. Хотя, надо бы...

– Ну и хорошо! Зато теперь у нас есть пан Марек, можно спокойно мотаться туда-сюда.

– Ну да, фурами янтарную комнату вывезем и никто не остановит. Ведь у нас есть пан Марек.

– Видишь, как удачно грохнулась, – довольная подруга примеряла ордена. – Зато таможню проскочили.

– Спасибо Господу, молилась не переставая! Звони своему Ланселоту, подъезжаем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К дому Лешека подрулили под вечер. Из-за наших злоключений вместо обычных трёх часов потратили на дорогу

весь световой день.

Бедный поляк патрулировал возле больших кованых ворот. Завидев машину, он кинулся к нам.

– Моя милощч!.. Светличка моя! Натушка, где вы были?

Они не подходили друг другу совершенно. Высокая Света с хорошо сохранившейся модельной фигурой, ухоженным личиком без единой морщинки и коренастый Лешек с небольшим брюшком и проплешиной на затылке. Его чувство было странным сочетанием нежной отеческой любви и страсти мачо. Подруга поляка не любила, но очень дорожила этими отношениями. И, чего греха таить, пользовалась ими напрапалую.

Его милощч величественно вылезла из машины с белым тюрбаном на голове и драных джинсах. Лешек охнул и даже присел от неожиданности.

– Матка Бозка!.. Пресвятая дева Мария! Что с тобой?

Несчастный поляк хватался за свою голову, дотрагивался до Светкиного кокона, подбегал ко мне и заглядывал прямо в глаза.

– Что случилось?.. Что случилось?

– Ничего, – буркнула я и пошла открывать багажник. – Потом расскажем.

– Не потом! Сейчас! – воскликнул Лешек, лицо омрачилось болью, как если бы это его голова пострадала. Он не находил себе места от беспокойства, повернулся к Свете и спросил: – Ты упала?

Та нервно покусывала губы. Поляк не отстанет, мы знали это хорошо. Скорее всего, Светик раздумывала, как бы всё так преподнести, чтобы не выглядеть легкомысленной дурочкой, но при этом остаться героиней. Несмотря на усталость и раздражение, я решила пощадить чувства Лешака, взяла его под руку и сказала:

– Мой дорогой, если в двух словах, то твоя милощч совершила классический кульбит. Малосольный огурчик, оказывается, убойная штука, на нём она и взлетела. Это было очень круто, жаль, что ты не видел. Пожалуйста, не требуй отчета сию секунду. Как видишь, наша Светличка жива и относительно здорова.

Я так и не примирилась с действительностью и с недовольством принялась вытаскивать на тротуарную плитку наше имущество. Света попыталась помочь, но я отодвинула её со словами:

– Иди уже, Нефертити!

Светку как ветром сдуло. Я добралась до ценной коробки, обняла её двумя руками и потащила по ступенькам в дом.

Накрытый стол ждал давно, листья салата уныло подвяли, пластики сыра на тарелке подсохли и покрылись слезами. Камамбер оплыл, как медуза, и я с сожалением вздохнула. Чёрный крепкий кофе с сахаром и вонючим сыром – моё любимое лакомство.

Я локтем сдвинула в сторону посуду и водрузила поклажу прямо на стол.

– Что есть это? – спросил Лешек, ошалеv от переизбытка непонятных реалий.

Светик заискивающе крутилась рядом. Что скажет высокооплачиваемый адвокат и крупный коллекционер ещё неизвестно. Конечно, она трусила, любыми способами оттягивала неприятный момент и, как ни в чём ни бывало, предложила:

– Может, поедим сначала? Умру ведь с голоду.

– Мы уже это сегодня проходили, – усмехнулась я. – У тебя как у кошки девять жизней.

– Опять начинаешь?

– Продолжаю! Если тебя скамейкой не перешибёшь, то без Агнешкиной стряпни как-нибудь протянешь!

Агнешка, домработница Лешака, служила у него больше двадцати лет и готовила изумительно. Милая пожилая женщина любила его как сына. Я частенько болтала с ней, улучшая польский, и даже научилась у неё готовить настоящую мазурку.

Есть хотелось ужасно, тем более Агнешка расстаралась: жареные колбаски, любимый Светкин бигос, маленькие нежнейшие порционные плюшки и ещё огромное количество всякой вкусноты.

– Дивчины, мыслю требуемо выпить.

Лешек успел опомниться, открыл бутылку «Хеннеси» и наплескал прозрачный карамельный напиток в высокие бокалы богемского стекла.

– Правильно мыслишь, Лешечек, – поспешно подхватила Света, тюрбан одобрительно мотнулся, поляк и время работали на неё.

Я в глубине души признала – нам необходимо после такой встряски и покосилась на подругу.

– Тебе можно?

– Не только можно, но и нужно!

Она быстро пропустила бокал. Знаю её как саму себя, сейчас Светик посчитала, пока суд да дело, мои справедливые чувства немного улягутся. Ну что ж, выпить так выпить. Я не отставала и осушила одним глотком, по-русски, Лешек же только пригубил.

Сразу вспомнилось, как он, являясь истинным гурманом и ценителем прекрасного, учил нас правильно пить коньяк, чувствуя все три волны аромата. Маленькими глоточками, каждый раз задерживая во рту на несколько секунд, чтобы уловить эффект, называемый «хвост павлина». Наш друг любил пить именно из этих бокалов в виде тюльпана. Лешек считал, что данная форма напоминает красоту женского тела, а что может быть совершеннее в мире, чем женщина?

После первой дозы спиртного меня осенило: может быть, поляк так сильно влюблён в Светку, что она фигурой подходит на сосуд для коньяка? Надо не забыть спросить!

– Давай повторим, Лешек, – поторопила Света, решив, что первый пар вышел и требуется окончательно затушить

пыхтящий самовар в моём лице.

Выпили ещё, после всех испытаний нам было не до павлинов. Чудесное неземное тепло начало разливаться по всему телу, мягкими волнами перекатываясь вверх и вниз, ослабляя, даря спокойствие и умиротворение.

Мы принялись за еду и минут десять жевали молча. Светик метала всё подряд, без разбору: бигос, колбаски, запечённую форель, заедала это салатом и плюшками. Я даже испугалась: так старается, чтобы показать, насколько она жизнерадостная женщина? Для Лешека это и не требуется. Вдруг у неё открылся дар обжорства, как это бывает после удара молнией? Например, в семидесятых годах в одного мужика в Липецкой области попал природный разряд и он заговорил на трёх европейских языках. Только вместо иностранной речи у Светки проявился уникальный талант поедания. Лучше бы начала изъясняться на английском или французском, больше пользы.

Набившись и запьянев, подруга отодвинулась от стола и принялась рассказывать историю на таможне. Как любая артистическая натура, Света делала это увлечённо, в лицах, закатывая глаза и точно передавая интонации и движения. Поначалу Лешек улыбался, но когда она игриво произнесла «и тут мы поняли», он посерьёзnel и перебил её:

– Моя милощч, я не понимаю, у вас не было документов?

Светка кивнула, всем своим вызывающим видом показывая, как ловко мы это дельце провернули и нам есть чем

гордиться. Она плутовски подмигнула и прищелкнула пальчиками. Вау-ля! Вот такие мы!

Её попытки утихомирить мою совесть с помощью коньяка возымели обратное действие. Я прокручивала в голове осуждающие речи и обвинительные приговоры. Выждала, пока обескураженный Лешек усвоит информацию, встала и подошла к коробке.

– А теперь смотри сюда, – сказала я, стараясь придать напыщенность сцене и медленно вскрывая обмотку. – Вот он!.. Ему больше ста лет! Розумеешь?

Поляк присвистнул и широко раскрыл глаза от такого вопиющего безобразия! Как профессионал он моментально оценил тяжесть совершённого преступления.

Упёршись руками в стол, я возвышалась над коробкой как статуя правосудия. Объятая хмелем, ощущала себя Немезидой! Мой карательный меч поднялся и готовился обрушиться на нарушителя общественных и нравственных порядков.

– Твоя коханая и я – котрабан, – я боролась с этим трудным словом, но язык упорно заплетался, не в силах проверить слоги. – Контрабад... Кон-тра-бан-дист-ки!

Я победила! Потрясённый Лешек перевёл беспокойный взгляд на Светку и задал мучающий его вопрос:

– Так что у тебя с головой, моя милощц? Это всё как-то связано между собой?

Светик в срочном порядке вспомнила о сотрясении моз-

га, схватилась за повязку и заныла:

– Натуль, у тебя есть обезболивающее? Что-то голова раскалывается. Может, я пойду, прилягу?

– Потерпишь! Уплетать за обе щеки, так ты здорова, дай Бог каждому! Как отве....

– Что ты опять завелась? Мы же закрыли эту тему, и без твоих пламенных речей мозг звенит!

– Ничего мы не закрывали, просто разрывает от твоей безалаберности! Как отвечать за содеянное, так сразу уважительная причина нашлась. Сиди, никуда не пойдёшь, пока не решим, что делать с чёртовым сервисом.

– Вот так новость, ещё недавно он был не чёртов, а Александр третий.

– Вот именно!

Лешек плохо понимал нашу перепалку, переводил взгляд со Светки на меня и обратно, но слово «контрабанда» он точно уяснил. Догадываясь, что мы попали в передрагу, поляк налил себе полный бокал.

Телефонный звонок отвлёк от перебранки.

– Мам, где пропала? У вас всё в порядке? Ночь на дворе, а ты всё не звонишь и не звонишь. Мы беспокоимся, Игорь спрашивает, может, успели влезть куда-нибудь? – озабоченным голосом спросила Сашка.

– Всё хорошо, детка. Долго стояли на границе и только приехали. Лешек передаёт привет, – я успокоила дочь и глянула на поляка, тот поднял пятерню и выпил весь здоровен-

ный бокал залпом без всяких церемоний.

– А-а! Тоже передавай. Всепокалюблющую (Именно так, одним словом с самого детства)!

Дочь отключилась. Светик разговаривала с тётёй Зиной. Я дождалась, пока она закончит беседу и жевала плюшку. Лешек смотрел в одну точку, не двигаясь и не моргая. А ведь он ничего не ел. Может, опьянел от такой дозы? С кем тогда вопросы решать будем? Не со Светкой же. Чтобы определить состояние друга помахала у него перед лицом недоёденной булкой. Тот заморгал и посмотрел на меня с удивлением. Нет, мужчина он крепкий, многократно проверенный совместными застольями и одним бокалом его не уложишь. Я пододвинула ему блюдо с колбасками и посоветовала:

– Ешь, нам надо иметь трезвый ум.

Света отчиталась перед мамой, я вернулась к коробке и, со значением качнув головой, чопорно объявила:

– Продолжение следует!

Аккуратно держа одной рукой, а другой разматывая салфетку с васильками, вытащила на свет первое блюдо. Светик посчитала за лучшее убраться подальше. Она пересела на диван, притихла и оттуда поглядывала из-под повязки в надежде, что о ней забудут и оставят в покое.

Поляк же, рассматривая предмет, преобразался на глазах. Однажды я наблюдала подобное превращение Лешака, когда он впервые увидел Свету. Сейчас происходило другое, не менее захватывающее зрелище. Коллекционер, охвачен-

ный страстью, забыл про свою миловидную и её замотанную голову, про меня, про контрабанду. Казалось, я ощущаю, как работает его мозг. Ещё не дотронувшись до тарелки, он со скоростью звука перебирал в голове характеристики всех известных заводов, прокручивал рисунки, оттенки синего и прозрачность фарфора. Лицо Лешека преобразилось, стало сосредоточенным и одухотворённым. Нет, я на такое не способна! И с восхищением и большим уважением ждала, давая ему насладиться первой встречей с этим чудом цвета кобальт с позолотой.

Светик подала робкий голос за моей спиной:

– Что с ним? Может, нашатыря сунуть?

Я стояла в молчании, скрестив руки на груди, и улыбалась как дурочка! Гордость за русскую порцелиновую мануфактуру распирала так, как если бы я сама лично наносила этот цветочный рисунок. И, действительно, какая теперь разница, вернём мы сервиз в Россию или нет? Он всё равно останется в русской семье, пусть даже в Италии. Моя совесть потерпела поражение перед чувством прекрасного, забилась в угол и помалкивала.

Лешек подхватился и рванул из гостиной вверх по ступенькам в кабинет.

– Неужели, вот так и есть на самом деле? Ну да, старинная посуда, но чтобы потерять голову из-за тарелки? Куда он помчался? Убьется ещё на лестнице, – лезла с вопросами Света.

– Боже, сто раз говорила – это не посуда, а произведение искусства! Сейчас прилетит с лупой и лампой на голове, – со знанием дела ответила я, закинув в рот кусочек вкуснящего жёлтого сыра.

Так оно и случилось, Лешек вооружился увеличительным стеклом и большой энциклопедией по антиквариату на английском языке. На полном ходу натягивал на лоб фонарь как у ювелиров или часовщиков.

– Что ещё там есть? Сколько? – проговорил поляк в нетерпении.

Его крупные черты лица исказились, густые брови сошлись к переносице, широкий лоб собрался складками к середине, глаза осветились ярким огнём предвкушения.

Я вытаскивала посуду, расставляла её на столе и пересчитывала – всего тринадцать предметов. А Лешек цокал языком от изумления, хватался за голову, восклицая «Матка Бозка!», «Езус Мария»! Он исследовал, рассматривал, рылся в энциклопедии и триумфально выговорил по-русски:

– Александр третий! Идеально!

– Мы в курсе, – сказала я, стараясь придать голосу полнейшее безразличие, села за стол и ткнула вилкой в колбаску.

– Он не зарегистрирован в реестре?

– Нет!

– Это контрабанда! Пшемет (по-польски)! Контрабанд (по-английски)! – заключил поляк, поглядывая то на меня,

то на диван.

– Именно! По другому сказать язык не поворачивается! Твоя милощц и я протащили этого Александра через границу нелегально. Наша дорогая Светличка пробила себе голову, чтобы не попасть за решетку, а пана Марека чуть кондрашка нехватила, – я поспешила вылепить всё, долго ломать комедию с Лешekom не имело смысла.

– Кто есть пан Марек? – он задал вопрос, повернувшись к Свете.

– Пан Марек есть Наташкин поклонник, – язвительно донеслось из-за моей спины.

– Еще раз, дивчины, я не розумею. Где вы брали всё? – Лешек пытался докопаться до истины, переводя озадаченный взгляд на меня.

– Это моё! – хвастливо послышалось с дивана.

– Не твоё, а тёти Нины!

– Ты начала собирать, моя Светличка? – опешил поляк и опять посмотрел на неё.

– Боже мой, Лешек! Антиквариат и твоя Светличка – понятия несовместимые! Вот дамские сумочки или крутые шмотки – пожалуйста, тут она спец! – сказала я, складывая руки на груди и поворачиваясь к Свете.

Она фыркнула, состроила гримасу и показала мне кулак. Угрожает ещё!

Мы наперебой начали излагать подробности с самого начала, с момента обнаружения сервиза на антресолях. Ле-

шек слушал внимательно, посмеивался и качал головой.

– Вы сумасшедшие!.. Вы сумасшедшие! Вы понимаете, сколько есть прайс?

– Уж не миллион долларов, – ответила Светик. Она сочла, что кризис миновал, вернулась за стол, вальяжно расселась и потянулась за плюшкой. – Иначе бы я давно спихнула этот сервис. Сидела бы на Канарах под пальмой и грелась на песочке!

– В Сибири, под ёлкой! На снегу, как Марфуша из сказки «Морозко», – съехидничала я, Светка состроила очередную рожицу.

– Не есть миллион долларов, но есть достаточно много и это большая... большая редкостная, – сказал Лешек, с трудом подбирая русские слова, чтобы возлюбленная Светличка осознала глубину и меру ответственности. Но его Дульцинея жевала булку и в корне отвергала любую моральную нагрузку.

– Что вы мыслите делать с этим? – спросил поляк, перекакивая с английского на русский, с русского на польский.

Боевой дух справедливости постепенно улетучивался вместе с алкогольными парами, я пожала плечами и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.